

Сергей Гуреев

Мой удивительный февраль. Том 4

Гражданином быть обязан

Сергей Гуреев
Мой удивительный
февраль. Том 4.
Гражданином быть обязан

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22874720

ISBN 9785448373428

Аннотация

В четвёртую книгу «Гражданином быть обязан» объединены стихи и песни патриотического содержания. Причём это не воинствующий «квасной патриотизм», везде ищущий врагов и «пятую колонну», а честное, часто критическое отношение к тому, что называется Родиной, и к тому, каким вчера и сегодня для меня является современное российское государство. Кроме того, в главу «Пересортица» вошли стихи, которые можно обозначить – понемногу обо всем, прежде всего о вопросах здоровья.

Содержание

Дорогие друзья!	7
Глава 1. Гражданином быть обязан	11
Юность XX века	12
Вопрос	14
Калым по-советски	16
71-я «Годовщина» – ноябрь 1988	20
Сибирские тракты	22
Авось	23
Лексик... он	25
Горячая точка	27
Я не люблю тебя Москва	28
Россия песни создает	30
В селе на трёх дорогах	32
Давайте, господа, пятидесятники	33
Святые ребята	35
Международные перспективы	38
Демография с географией	39
Плач по «Москвичу»	40
Мышеловка	42
Услуги	43
Мотивация	45
Предновогодний сон	47
Война – война	52

Меня имеют	52
Мысли из кухни	55
Знакомая сказка	56
Бердский спецназ	58
Поэма о Белом	59
А был ли мальчик?	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

**Мой удивительный
февраль. Том 4
Гражданином быть обязан**

Сергей Гуреев

Рисунок на обложке и все фотографии в книге автора

© Сергей Гуреев, 2018

ISBN 978-5-4483-7342-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорогие друзья!

Я искренне рад новой встрече с вами. В цикле стихов и песен «Мой удивительный февраль», который впервые выходит сразу в пяти томах, собрано лучшее, что мне удалось написать за более, чем 40 лет трудного, но очень интересного творческого пути. Почему февраль, да еще удивительный? Всё очень просто – я родился в феврале, и он для меня самый лучший, самый трогательный и самый увлекательный месяц в году.

В четвёртую книгу «Гражданином быть обязан» объединены стихи и песни патриотического содержания. Причём, это не воинствующий «квасной патриотизм», везде ищущий врагов и «пятую колонну», а честное, часто критическое отношение к тому, что называется Родиной, и к тому, каким вчера и сегодня для меня является современное российское государство. Кроме того, в главу «Пересортица» вошли стихи, которые можно обозначить – понемногу обо всем, прежде всего о вопросах здоровья.

О себе писать всегда не просто. Поэтому предоставляю это право моим друзьям.

«...Как, всё-таки, удивительно и необъяснимо отношение человека к стихам. Ещё в детстве все нормальные люди их недолюбливают, приходят в ужас от поэм и не понимают, для чего в жизни может пригодиться какой-нибудь «ямб» или

«хорей»?

Однако с возрастом, нет-нет, да и заглянешь в чей-нибудь зарифмованный томик, а то и сам чего-нибудь этакое натворишь. Поскольку, почти каждый нормальный, тем более ненормальный человек пробовал как минимум поиграть в «буриме» или с трудом придумать рифму на слово «пакля», то большим уважением и почитанием пользуются люди, у которых *это* получается легче, красивее, точнее, образнее, интереснее, смешнее, остроумнее, актуальнее...., короче, получается.

У *Сергея Гуреева это* именно так и получается.

Вы никогда не встречали в его стихах или песнях строчки о себе? Значит, Вы пока ещё не были объектом его посвящений. А это так приятно: всё без яда и злобы – и обидеться хочется, и не на что.

А слабо Вам пытаться в одном темпе с ним что-нибудь сочинять? И не пытайтесь. Иначе Вы очень быстро почувствуете себя творческим импотентом. Он же пишет на любую тему, с любой скоростью и в любых условиях!

Поэтому его стихи обижают. Обижают тем, что ты сам так никогда не напишешь и не скажешь. Обижают какой-то своей недосыгаемостью и непредсказуемостью. Неожиданные рифмы, не стандартные сюжетные повороты с одновременной легкостью сочинения – дар редкий. Дар, так удачно и своевременно данный очень хорошему человеку».

Сергей Кудряшов

«Друзья! Если вместо привычного тёплого гамбургера Вам в руки случайно попала книга Сергея Гуреева, то не пытайтесь всё сразу запивать пивом или самим что-то в ответ настроичить. Автор, казалось бы, серьезный человек, полдоктора наук, дед семейства, есть, что обдумать, что постирать, а туда же – ухватился за перо и давай рифмованно выражаться. И было бы понятно, когда бы мы все по стихам с ума сходили. А то ведь большинству из нас любовь к поэтическим словесам ещё в глубоком детстве прищемили.

Затрудните себя взглядом на портрет автора. Что мы видим? – нос накладной, аккуратные борода и усы явно приклеены, и только случайно забытые на носу очки выдают в нём недюжинный талант орнитолога, наделённого поэтическим даром.

Вы что сейчас подумали, что наука потеряла, а поэзия приобрела? Ничего подобного! Никто ничего не приобрёл, а потеряли как раз те, кто ещё не читал, не слышал и не привлекался. Чего отвернулись? Это я вам! Вы что, так и будете стоять на обочине или бродить по тёмным, глухим задворкам? Хлебаните из источника, пока он здесь и недорого. Может быть, потом спохватитесь и будете локти друг у друга кусать.

И ещё. Прежде чем изображать из себя умного розовощёкого критика, морщить нос, закатывать глаза и заламывать

руки, пойдите вкопайте дерево, квартиру отремонтируйте, сына отшлёпайте, короче – выполните своё жизненное предназначение. А потом сядьте вечером с этой книгой, и окунитесь в мудрую, весёлую, ироничную и неожиданную поэзию, чтобы не засохнуть».

Фёдор Краснояров

От себя лишь добавлю, что для того, чтобы каждый смог выбрать что-то для себя и не листать всё подряд, я разбил все произведения на тематические разделы, а внутри разделов расположил от более ранних, к самым поздним, по сути сегодняшним. Впрочем, если Вы всё-таки осмелитесь прочитать или хотя бы полистать эти книги, то прекрасно во всём разберётесь сами.

Я искренне признателен моим друзьям, сподвижникам, соучастникам многих-многих фестивалей Владимиру Трубину, и Виктору Коротченко, любезно предоставившим мне часть своих фотографий для оформления этой книги.

Все люди, в общем, как карандаши —
Кто пишет, кто тупит, как будто спяну.
А чтобы это было от души,
Затачиваться нужно постоянно!

Всегда ваш,
Сергей Гуреев

Глава 1. Гражданином быть обязан

Юность XX века

Парят в небе стаи. Счастливые лица,
Цветы на открытом окошке.
Я тихо листаю седые страницы,
Сверяясь с грохочущим прошлым.
Где сквозь неуютность,
Сквозь тени ушедших навеки,
Сквозь пламя багровых рассветов,
Я вижу как юность шального XX века,
Рубала с плеча эполеты.

И в бешеной скачке проносится время,
Винтовка в руке и на выцветшем шлеме
Багряной звездой отважное сердце дрожит.
Отец против сына, и брат против брата,
И кровь на груди у безусых комбатов,
И в жёлтом бурьяне неспетая песня лежит.

Пылили дороги, и яркое солнце всходило,
Прожить бы всё это. Да где там?
Им было немного, семнадцать не каждому было,
Да, в общем-то, дело не в этом.
Оркестр, эстрада, и в скверике Штраус и Моцарт,
Любить бы. Да нет, не успели.
И прямо с парада уходят на фронт добровольцы
В потёртых отцовских шинелях.

И снова разрывами стонут окопы,

И снова война против целой Европы,
И многим уже никогда не прожить этот бой.
Атака, атака – «Я пятый, я ранен!»...
Конверт треугольный в нагрудном кармане
Посмертно подписан горячею алой строкой...

Шары и салюты! И вальсы на старом паркете.
И радость. И песни. И пляски.
Тепло и уютно катаются мамы и дети
В цветастых и модных колясках.
Чтоб сквозь неуютность,
Сквозь тени ушедших навеки,
Сквозь пламя багровых рассветов
И детство, и юность уже XXI века
Не видели тех эполетов.

Парят в небе стаи. Счастливые лица,
Цветы на открытом окошке.
Я тихо листаю седые страницы,
Сверясь с грохочущим прошлым...

1975

Вопрос

Приходит время. Наступает зрелость.
Когда же мы опомнимся? Когда
Вновь обретём утраченную смелость,
Чтоб оценить прожитые года?

На праздниках, по планам пятилетним
Учились с детства мы рапортовать.
Что передали нам – двадцатилетним,
Что сами можем мы передавать?

Награды сверху. Снизу только сплетни,
Где правды ото лжи не отличить.
Чему учили нас – тридцатилетних,
Чему мы сами можем научить?

Как научиться? Как расправить плечи?
Как на себя всю боль переложить?
Что нам учить, чтоб больше не калечить
Не нами покалеченную жизнь?

Как ощутить себя из безразличья,
Из скуки, показухи, воровства?
Как отличить гримёрное обличье
От честного прямого естества?

Каким пределом должен быть отмечен
Последний человеческий предел,
Когда палач «партийно обилечен»,
А остальным лишь лагерный удел?

И жизнь опять по бездорожью мчится,
Проносится. В какой вагон вскочить?
Успеть и осознать, и научиться,
Чтоб мы смогли чему-то научить?!

1986 – 1995

Калым по-советски или сказ о том, как я зарабатывал на кедровом орехе в промысловой бригаде

Я калымил на орехе,
Был в бригаде «лазаком».
Это тот, кто где-то сверху
Бьёт по шишкам кулаком.

Все рискованные ребята,

Не срываясь, не дрожа,
За своё, не за зарплату
Собирали урожай.

Что в итоге? Кто заплатит?
Не могу писать без слёз:
Стоило оно «горбатить»,
Чтобы кинул нас лесхоз.

Оптом сдать? Опять халтура,
В полцены – тонка кишка.
В общем, взял своё натурой —
Три увесистых мешка!

Думал, думал. Тихо, лихо,
Прокручинил все глаза,
Лишь один надёжный выход —
Со стаканом на базар!

Был ли рынок там? Едва ли,
Тот период не пришёл.
Правда, плату собирали
За твой собственный мешок.

Ну, приехал, честь по чести,
Расплатился за такси.
Посмотреть решил на месте,
Чтобы – Боже упаси!

А внутри знакомый шёпот
Ноет, жалобно скуля: —

*«Нулевой в торговле опыт
Ты завлаб, не спекулянт.
Ты ж не сможешь торговаться
И на весь базар орать —
Налетай! Созрело, братцы!
Да ещё и деньги брать?»*

*Прекращай замашки эти,
Что для умственных калек.
Вдруг ещё тебя заметит
Кто из вузовских коллег?*

*То-то шуму будет, сраму,
На весь город продудим...
Может мы на килограммы
Взвесим оптом и сдадим?»*

А вокруг лихие дяди
Восхваляют свой товар,
То деньгой его погладят,
То вороват на навар.

Кто-то с шуткой, кто-то с «матом»,
По команде, как в строю.
Я ж, учёным кандидатом
Всё стеснялся на краю.

Груз сомнений был не долог:
Мой орех! Моим трудом!
И про кедры как биолог
Я же знаю «от» и «до».

В кедре всей природы сила,
Кедр осине – не чета,
Ведь тогда «Анастасию»
Вряд ли кто-нибудь читал.

Тут же развернул беседу,
Дух научный не подвёл,
Презентацию по кедру
Исключительно провёл.

Распродал минут за сорок
Пяти ведерный мешок,
И полсотни сторублёвок
Заработал, как нашёл!

На зарплату переводом,
Если даже кандидат,
Их бы только за полгода
Через кассу в аккурат.

Средь торгового народа
Быстро я сообразил:
В рынке все дары природы —

Это полный эксклюзив!

От шашлычной дым струился
Ветром свежих перемен.
Вот тогда я и родился,
Как успешный бизнесмен.

август 1987

71-я «Годовщина» – ноябрь 1988

Очередной Октябрь стучится в двери
Демократично, гласно, как герой.
Но, что-то остро гложет недоверье,
Ведь сколько было всяких разных «берий»,
А вдруг опять придёт очередной?

Вам аргументы? Их искать не нужно,
Достаточно взглянуть через плечо:
И «ельциных» заплывывают дружно,
И всюду, как и прежде, правит службу
И партократ, и вор, и Лигачев.

Из года в год, навечно, испокону
Крепчает сила главная, одна.
Сама себя поставив вне закона,
Она у нас единственно законна
И нами правит именно она!

Уже восьмой десяток направляет
На благо всех и светлой жизни для.
То с самых умных головы снимает,
То самых глупых бурно восхваляет,
При этом всех нас «искренне любя».

Любить не трудно, лишь бы не накладно,
Призывы, речи, лозунги, аншлаг:
«Вот где-то там за далью неоглядной
Все будут жить престижно и нарядно.
Пока же только нам хватает благ».

И здесь всё справедливо, по заслугам,
Они же слуги, значит это им!
А остальным – полаяться друг с другом,
Подёргать уголь, поразмяться с плугом
И, наконец, построить этот «изм»!

Так и живём в предверье, в обнищании,
Хлебнувши горя, наломавши пик.
И путь наш среди лживых обещаний,
Основанный на массовом сознании,
Всё более походит на тупик.

Октябрь. Культ. Застоя «брежневщина» —
Вот наших лет советских череда.
Поэтому и слово «годовщина»
От самого великого почина

Писать нам нужно только через «а».

Сибирские тракты

По сибирским далям,
По тюремным сводам
Сколько раз гоняли
Вольницу-свободу.

С площади Сенатской
До сибирских копей
По могилам братским
Сорняки-осоки.

По пыли, по сыри
Только след подковы.
Здесь брела Россия
В кандалах-оковах.

Трактом шла Московским,
Трактом шла Иркутским.
На лаптях-обносках
Капли крови русской.

Приговором быстрым
От особой тройки
Прокатился выстрел
Казематом горьким.

И везут к оврагу

На санях-подводах
Узников Гулага,
Как «врагов народа».

По сибирским трактам,
По болотным гатям
Пропадала правда,
Пропадали братья.

По краям России
Без вины, без меры
Исчезала сила,
Иссекала вера.

Слишком уж ретиво
Вырубали корни.
На засохшей ниве
Не посеешь зёрна...

Во селе, в слободе
Слёзы горькой доли
По былой свободе,
По народной воле...

1987

АВОСЬ

Внутри себя мы преспокойно жили,
Привыкли все не думать, а молчать.

Тут нам сполна такое разрешили,
Что мы не знали – начать иль начать?

Когда же и границы отменили
На то, что раньше было не дано,
Тут мы, конечно, стену проломили,
Туда, где Пётр прорубал окно.

Нам МВФ без дураков сулило
Раздать кредиты в разные концы,
Так мы по банкам «баксы» насолили,
Как раньше в «трёхлитровки» огурцы.

Вот был размах! Какие там соленья,
Мы в рынок русской поступью вошли.
За пару лет на душу населенья
По «Мерседесам» Запад обошли!
Тут грянул криз. Нас вычеркнули с драфта,
К рублю большой привесили кирпич.
Сегодня мы все импортные «авто»
Всё больше заправляем под «Москвич».

Но сделан шаг, обратной нет дороги,
Идём вперёд, точней, то вкривь, то вкось.
Когда же перестанут наши ноги
Надеяться на русское «авось»?

Когда ж мозгов утечка обессилит,
И будет здесь творить «и мудр и крепк»,
Чтоб головы оставшихся в России,
Быть перестали вешалкой для «кепк»?

декабрь 1999

Лексик... он

Мы новый имидж претворяем,
И наша речь как *«музыка́»*.
В эфире гордо повторяем
«Велик могучим языка́».

И все слова доступны, внятны,
И *«черномудры»*, и остры.
И всем становится понятно: —

«*Был у сестрэ, иду к сестры*».

Мы с грамотой боролись с детства,
«*Упёртым*» не было «*детствá*».
Чтобы облегчить наши «*бédства*»,
Нам льготы «*нужны*» и «*средствá*».

Когда же мы в стремленье «*ихнем*»
Начнём друг друга величать,
То мы таких высот достигнем,
Нам только б «*начать*», чтоб *начать!*

И фразы кругло так ложатся,
Слова в них «*ложут*», не кладут.
Я тоже буду выражаться,
Когда кругом «*здесь вам не тут*».

Коль тот язык «*системасиськи*»,
То не поможет логопед,
Ведь очень модно по-российски
Окончить парт.– и юр.– и пед.

И вот тогда уже «*де-юре*»,
«*Де-факто*» как-то не в струю,
Так громко гнать по-русски «*дуру*»,
Что «*спикать*» хочется в «*ду ю*».

Горячая точка

ветеранам томского спецназа

Я слышал недавно рассказ ветерана,
Чечни и Афгана горячий букет.
И форте и пьяно, он трезвый, я пьяный,
Но всё без обмана, и орден в руке.

Рождественский вечер. Горящие свечи,
Болгарское «лечо», гранёный стакан
Сегодня не лечит, и словно предтеча
От встречи до встречи щепоть табака.

Военная база. Команда спецназа.
От пули и сглаза потёртый пятак.
За час до приказа будильник, зараза,
Не сбившись ни разу, тик-так, да тик-так.

Как Спарта и Троя, шеренгой и строем
Уходят по трое под крики «Ура!»
Мальчишки – герои на новые роли,
Чужие гастроли не в наших горах.

Горячая точка. Туманная ночь.
Не ждите сыночка к тому рождеству.
Отрывок листочка, последняя строчка,

И алые точки дырявят траву...

И память далече, и тяжесть на плечи,
И струны калечит старлея рука.
Рождественский вечер. Оплывшие свечи.
Осталась от встречи щепоть табака...

февраль 2000

Я не люблю тебя Москва

Я не люблю тебя, Москва.
Не за название столицы,
Не за кремлёвские бойницы
И не за красные слова.
Ещё тебя я не люблю
Не за проспектов суетливость,
Не за старушечью сварливость.
Я это как-нибудь стерплю.

Где старый творческий Арбат?
Где говорливая Тверская?
Был воровской Каретный ряд,
Теперь ты вовсе воровская.
Не по желанью москвичей,
По криминальному указу.
Чтоб замолить твою проказу,
Не хватит по церквям свечей.

Мне так хотелось полюбить
Твою, Москва, былую скромность
И величавую соборность,
И всё, что век не смог сгубить.
 Чтоб не остаться «на бобах»
 От развевающихся стягов,
 И от засилия «варягов»
 На твоих княжеских хлебах.

Но не умею, не люблю.
За гонор всех, в тебе осевших,
И как-то сразу обрусевших,
И присосавшихся к рублю.
 Моя вселенская тоска,
 И боль провинции российской,

От Магадана до Каспийска
Я не люблю тебя, Москва.

И всё же нужно приезжать,
Чтоб до конца не отлучиться
От тех, кто дал мне шанс учиться
Всё понимать, а не брюзжать.
 Чтоб никогда не променять
 Ни Визбора, ни Окуджаву...
 За нелюбовь ко Вседержавной
 Прости, о Господи, меня...

февраль 2000

**Россия песни создает
с использованием одноименного
стихотворения Д.Сухарева,
муз. А. Пономаренко**

Россия песни создаёт,
А Север песни отбирает.
Но, если Север запоёт,
От песен сердце замирает.
 И устремляется в полёт,
 Полярный круг в себя вбирая,
 Его сиянием играя,

Душа и плачет, и живёт.

В лихие дни моей страны
Под небом пасмурным и синим
Те песни были рождены
Бродягой, пасынком и ссыльным.

Россия, где твои сыны?
Перед невежеством бессильны,
Поэты под крестом могильным,
Без доказательства вины.

Снега бескрайние молчат,
Храня стихи, позор и муки.
Но песни снова зазвучат,
Когда мотив подхватят внуки.

И как начало всех начал
Сольются вновь «азы» и «буки»,
И удивительные звуки
Растопят белую печаль.

И снова Север запоёт.
И снова сердце замирает.
Россия песни создаёт,
А Север песни отбирает...

2001

В селе на трёх дорогах муз. А. Пономаренко

В селе на трёх дорогах
Всегда имел успех.
Ещё имел он многих,
Случайно и наспех.
Там, прислонясь к избушке,
И лыс, и невысок,

Со старенькой старушкой
Заигрывал дедок.

Но вы его не троньте,
Не вздумайте дерзить.
Он сможет чардаш Монти
Потом изобразить.
Он много лет там прожил,
Там так его тревожил
Ночной «трах-там-там-там»
По грядкам и кустам.

Звучат его аккорды,
Что прихвастнуть не грех.
Поёт он очень гордо
Про секс, про блуд, про грех.
Там Кати, Маши, Людки
Любили всех подряд,
А вышли на минутку
И сразу же в «подряд».

апрель 2001

Давайте, господа, пятидесятники родившимся в пятидесятых

Мы родились, как Сталина не стало,

Но оттепель ещё не подошла.
Кому-то это – бесконечно мало,
Кому-то – вся история ушла.

Нам говорят: – Ваш год, какая вежа?
Ни возраст, ни рубеж, ни юбилей.
Иным для достижения успеха
Хватает и не очень много дней.

Где громко прозвучав, где втихомолку,
В преддверье окончательных побед,
Та перспектива – зубы класть на полку,
Нам не испортит праздничный обед!
Мы на ногах стоим пока что прочно,
Наш опыт не отнять и не забыть.
С Китаем по соседству, это точно,
Нам не престало падчерицей быть.

И выглянув с опаской из «сортира»,
Увидим мы, как наш пример велик:
Вот Герцен, разбудивший четверть мира!
Вот Пушкин! Правда, он не большевик.

Мы обойдём преграды и препоны,
Усилия в один кулак собрав.
И под напором рухнут бастионы —
Всемирный Банк, Минатом и Минздрав!

И станет наш прорыв прочнее, шире,

И скажут в мире – это неспроста.
И достижения Западной Сибири
Уверенно взойдут на пьедестал!

Давайте ж, господа пятидесятих,
Построим новый двадцать первый век,
И вырастим и бережно, и свято
Страну, где вольно дышит человек!

январь 2002

Святые ребята или о поездке в Киргизию через Кахастан на личном автотранспорте

Зря вы ругаете наших «гаишников»,
Мол, по любому в дороге пристанет.
Бросьте на них наговаривать лишнее,
Вы не бывали ещё в Казахстане.

Вот, где быки, прям, коррида испанская!
Номер российский, как красная тряпка!
Это ж политика вся казахстанская —
Едешь? Плати! И всегда «морда – тяпкой».

Все документы, что необходимые,
Вас не спасут от активных поборов.

Дети степей, просто непроходимые —
Едешь? Плати! Лучше без разговоров!

– Я ж заплатил в две машины до этого,
Тыщу тенге, ничего не нарушив.

– Это не наше, там было Майбетова,
Наше плати! Что, как маленький, слушай?

– Сколько берёте за не нарушения?

– Сколько не жалко, нас это устроит

– Двести могу? И моё отношение

– Что ты, смеёшься? Нас всё-таки трое.

Сутки в пути, состоянье предельное,
И на душе не по-русски погано,
Думал, что я заплатил за недельное,
Всё повторилось за Талды-Курганом!

Ехал уже, не иначе, в прострации,
За экологию! За светофоры!
За неизвестную всем декларацию!
Просто на память! На чай! И как фору!

Нам же всего-то транзитом в Киргизию,
Денег не хватит на всех этих баев.
Вот бы взглянуть мне в довольную «физию»,
Счастья тебе, господин Назарбаев!

Через неделю – обратно, мучения
Будут опять, дай мне силы, о Боже!
Деньги уже не имеют значения,
Быдлом бесправным, хоть русский, не гоже!

Вот и таможня, сто метров до родины.
«Чао!», казахи, я сдюжил, прорвался.
Думал, круги эти адовы пройдены,
Как глубоко я ещё ошибался.

Личные вещи «шмонали» до вечера,
Бомбы, наркотик с собакой искали.
В общем, сошлись, тут поделать-то нечего,

Тыщи за три, только так пропускали.

Мы ж это всё проходили, вы знаете,
Думал, не встречу, в чём «плавал» когда-то.
Зря вы гаишников наших ругаете,
Это, поверьте, святые ребята!

Казахстан-Томск, 2002

Международные перспективы

Москва, Москва, какие лица!
Одна судьба, один миссия.
Но если встать спиной к столице,
Тогда увидишь всю Россию!

И Украину, и казахов,
И латышей, и даже панство.
Да что там наши охи-ахи
За постсоветское пространство?

Уже почти созрел Израиль,
И в ожидании Европа.
Да мы не те высоты брали!
Нам только б выбраться из ж....

Америка – и та проснётся,
И прекратит беситься с жиру...

Вот что уж точно не вернётся,
Так помощь братскому Алжиру.

январь 2003

Демография с географией

Меж разных стран, морей и гор
Соблазнов всяческих не мало,
Но я горжусь, что до сих пор
Живу восточнее Урала.

Демографический провал
Грозит сегодняшней России.
Сибирский край всегда рождал
И души, и мозги, и силы.

Здесь каждый может выбрать
Свой путь, свой дом, родной и близкий.
Нет. Мы не будем вымирать
Ни в Томске, ни в Новосибирске!

Алтай, Кузбасс и Красноярск —
Сибирский дух всегда был крепок,
И в пессимизме не погряз
Наш регион без разных «кепок».

март 2003

Плач по «Москвичу» Борису Лещинскому

Всё!

Стабильности не стало,
Утекло, как тот ручей.
Раньше, где бы не мотало,
Боря был на «Москвиче».

Всё!

Хана! Не ждал прикола,
Я Бориса ждал. И вот —
Толь «Карина», толь «Королла»,
В общем, кто-то из тойот.

Всё!

Оплот последний рухнул —
Где источник всех начал?
Я ж без творчества протухну,
Я же взрос на «Москвичах»!

Всё!

В печали я и в горе.
Что писать? Зачем? О чём?
Двадцать лет про папу Борю
Обходился «Москвичём».

Всё!

Да ладно бы другие
В иномарки, сгоряча.

Боря – это ж ностальгия!

Как же мы без «Москвича»?!

Всё!

Забудь теперь о лесе,

На рыбалку нас не кличь:

Эта цаца не пролезет,

Там, где проползал «Москвич».

Всё!

Устали перепонки,

Я шепчу, шепчу, шепчу:

Боря нынче на японке

Дуба дал по «Москвичу»!

Всё!

30 июня 2003

Мышеловка

Что за жизнь? Одна отрыжка —
Не Канары, не Савой.
Как подпрыгнешь – сверху крышка,
Больно бьёшься головой.
Что придумать, чтобы ловко
Слямзить сыр, не заплатив?
Тут, пожалуй, мышеловка —
Главная из перспектив.

Лабиринт. Флажки. Разметка.
Путь известен, не канючь.
Что в итоге? Та же клетка,
Дверца заперта на ключ!
Где ж глоток свободы свежий?
Где открытое окно?
Но, поскольку, лбы всё те же,
Значит, граблям всё равно.

Как проверить свои нервы?
Метод очень даже прост:
Чтоб понять, кто прыгнет первый,

Наступи коту на хвост!
Если эта зарисовка
На весёленький мотив,
Может быть не мышеловка —
Главная из перспектив?

май 2003

Услуги

За столько лет, ещё и с гаком,
В пути, похожем на потуги,
Россия выросла, однако,
В вопросах платы за услуги.

В местах общественных, не личных,
Наперекор менталитету,
Мы приближаемся к «столичным»
Расценкам. Жаль, не к этикету.

Я о профессиях не стану —
Чего тут нового напишешь?
Да, брали и берут путаны,
Менты, чиновники и «крыши».

Я о святом забочусь рьяно,
О том, что свойственно с рожденья
Всем убеждённым россиянам,
На то оно и убежденье.

Начав, как водится, с проезда,
Чтоб груз тащить, почти, как плакать,
Дожили нынче до наезда
На самое святое – какать!

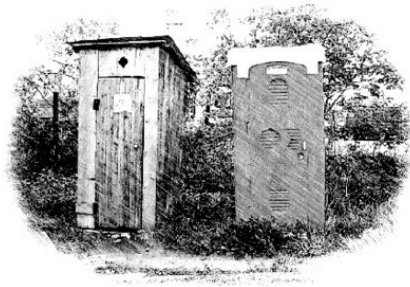
Привычка детская, грудная,
Но канула куда-то в лету
Та запашистая, родная
Пора бесплатных туалетов!

Где те кусты, заборы, лужи?
Заменит «Био» их едва ли,
А в томских сквериках, к тому же
Все тополя повырубали.

Глухие заросли и пуши —
Из них остались единицы,
И негде стало неимушим
На пять минут уединиться.

Теперь плати, совсем как взятку,
Или страдай до дома в муках,
Раз пожалел свою десятку
На то, чтоб искренне попукать.

Но, если честь тебе дороже,
И пять рублей за счастье – много,
То вспомни, что велел нам Боже —
Терпи, терпи, терпи, Серёга!

Томск – Самара, июль 2003

Мотивация

Всем есть возможности отныне.
Не важно, по какой причине
Рискните! Ну же! Право слово,
Да, хватит вам доить корову!

А чтоб открыть весь мир, весь глобус,
Вы сбросьтесь на один автобус,
И закатитесь шумно, круто
По незнакомому маршруту!

Кто заселяет средний пояс,
Тем можно сброситься на поезд,
Не ущемляя интереса
Всех монополий МПСа!

А тем, кто дальний, самый крайний —
Ну что, ну – на авиалайнер,
И конкурировать с полётом
«Эс севен» и Аэрофлота!

Да не мельчи – увязнешь по уши,
Вся наша жизнь – сплошной промоуш'н.
Ты помечтай, вообрази, и я
Мечту продвину до Бразилии!

На карнавале до упаду мы,
И сами станем водопадами,
Потоками сольёмся бурными,
«Дывясь» ночами Сингапурными!

А там Бали излечит храмами
От Маш, что мыслят только рамами.
От Вань, что всё вокруг украли бы,
Пора хоть раз слетать в Австралию!

Вот так мечтать пора, по-нашему,
Чтоб мысли с радости опухли...
Гремя кастрюлями и чашами
На всё видавшей, старой кухне.

март 2004

Предновогодний сон

о технико-внедренческой Зоне

Год Новый ожидаем на постой,
Считаем дни, как огурцы на грядке.
Стучится в дверь две тысячи шестой,
А значит, всё «О, кей» и всё в порядке!

Но ночью мне всё снятся зодиаки,
Кошмарные, и хочется мочиться,
Поскольку может всякое случиться,
За год какой-то огненной собаки.

Что мучило меня всего сильней,
Чего я испугался, как проказы?
Гулять без перерыва десять дней,
Такого не испытывал ни разу!

Такого не испытывал давно,
Чтоб честно, по указу, пить без лени!
Такого нам не завещал и Ленин —
Селёдка в шубе! Водка и вино!

Два первых дня, тут и ежу понятно,
Что с перепою вижу я не внятно,
А вот потом, отведав потроха,

Накроет нас реформа ЖКХ.

И нам придётся с вами, как не жалко,
Платить за коммунальные услуги,
Вернувшись из квартир и от подруги
Во времена всеобщей коммуналки.

Ведь вновь внезапно кризис налетел,
Едва успели мы с колен подняться.
Теперь опять – Стоять! Лежать! Бояться!
Среди таких же боязливых тел.

Покуда есть вершки и корешки,
Где нам сегодня отыскать сочувствие?
Спокойствие и даже самочувствие,
У каждого упрятано в кишки.

Они ж как раз болеют по утрам,
Когда вчера ты перебрал с лихвою.
И головою я тихонько вою,
И жизнь опять летит в тартарарам.

В рубашке – нараспашку, без пальто,
Куда ты прёшь? Да мы ж всегда с усами,
Диагнозы себе мы ставим сами,
Как двигателю в стареньком авто.

Как утром отвратительно в России,
Когда мы все не дружим с головой,

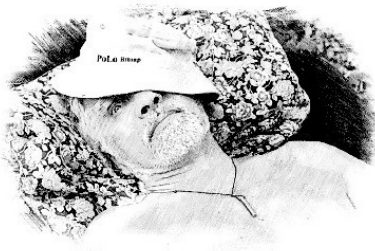
И сколько выходных бы не просили,
Мы каждый день накатим по одной.

Чтоб, уважая, перейти на «ты»
И в разговоре отыскать ответы,
Чтоб взрослые так не пугались света,
А дети не боялись темноты!

Всё продолжался этот сон тревожный,
Я дальше заглянул и ужаснулся.
Как хорошо, что вовремя проснулся,
Увидев там, что можно и не можно.

И в бликах наступившего рассвета
Я сам с собой задумался про это:
Чего б такого изменить в природе,
Чтоб государство снова стало Родиной?

И вот он шанс – без помощи Кобзона
Стал Томск особой и престижной Зоной!
Полмира обыграли мы не зря,
У нас теперь не только лагеря!

Всё в нашей Зоне будет на мази:
Родство Москвы с сибирской формацией
Посредством технологий с информацией,
Посредством связи в этой же связи!

Чтоб мы смогли чего-нибудь осилить,
Чтоб не загнили от пустых амбиций
Всех наших лево-правых оппозиций,
И клича «За единую Россию»!

Для всех для нас настанет «хорошо»!
Пусть зубоскалят клоуны и комики,
Но Томск сегодня – больше, чем оффшор,
Он – остров либеральной экономики!

Его нам, как Америку открыть.
И в продолжение этой партитуры
Дружить мы будем даже с Сингапуром,

С Бразилией, да что там говорить!

На этом историческом пути
Узнают нас совсем не понаслышке:
Мы с Зоной, как в футболе, вышли в «вышку»,
Теперь бы только тренера найти!
Чтоб был он в этом деле первый ас
С большой любовью и вниманьем к людям.
Я верю, что когда-то это будет,
Что будет, даже если и без нас!

Наступит долгожданная весна,
И солнцем, и удачей осыпая.
Я до утра спокойно засыпаю,
Я больше ночью не лежу без сна.

И этот сон – совсем мира не миражи,
Меня большою радостью сморило.
Там просто замечательная жизнь,
Которой, наконец, нас всех накрыло.

И в этом сне не мучает живот,
И в ужасе не комкаю подушку.
И кто-то шепчет ласково на ушко —
Вот так и спи, родной, весь новый год!

Зачем тебе всех этих страшных тем?
Зачем тебе переживанья эти?
Ты не читай их больше в туалете —

Туда обычно ходят не за тем.

декабрь 2005

Война – война

Война-война, кто ж эту боль не знает?
Она живёт в сердцах и в каждой строчке.
Всё чаще нам о ней напоминают
Горячие сегодняшние точки.
Всё чаще молодому поколению,
Кому не снились те сороковые,
Дают по высочайшему велению
Посмертные медали боевые.
Каким еще прикроются приказом,
Чтоб до конца зарубцевались раны
У Томского, у Псковского спецназа,
У всех тридцатилетних ветеранов?
И сколько б не прошло после победы,
Мы будем петь всё теми же словами,
Как уходили в бой отцы и деды
С побритыми навечно головами.

2005

Меня имеют

Свою мечту я с юности увидел,
Я был на жизнь нисколько не в обиде,
Я верил – лучший мир создать сумею.
И вот мой мир! И он меня имеет!

Тогда я понял, без упорства, без нагрузки
Никак не может появиться новый русский.
Ведь это ж раньше – я как будто при зарплате,
И мне за это государство как бы платит.

Но путь мне предстоял ещё не близкий,
Я даже начал изучать английский,
Потом подумал – это ж просто странно,
И навсегда забыл про иностранный.

А вот мечта меня оставить не хотела,
Все будоражила и душу мне, и тело,
Мол, посмотри, как все другие жизни рады,
Когда съезжают кто в Европы, кто в Канады.

Никак я не пойму такого брата,
Ну что мне лезть на этот самый Брайтон?
Пускай он – Бич, и чем-то там питает,
У нас и без того бичей хватает.

Ведь не бывает с неба манны, вы поверьте,
А на «халяву» вам всего три дня до смерти,
И чтобы вы у этой жизни не просили,
Не зазвенит в пустом кармане без усилий.

Не нужно мне сто лет такого рая,

Ну, разве съездить погостить в Израиль,
Понять, покуда память не остыла,
А был ли смысл шататься по пустыне?

Но я с Россией подписал свой личный полис,
Теперь вопрос —
Зачем бросаться мне под поезд?
Не глупо ль будет, заграницам на потеху,
Куда-то, с кем-то и зачем-то там уехать?

Во мне вы сомневаться перестаньте.
Кто здесь поэт? Все остальные – встаньте!
Ну, вы хотя бы поднимите руки,
Возьмите же поэта на поруки.

И разрешите снова пообщаться с вами
Совсем простыми и понятными словами.
Я ничего другого просто не умею,
И даже очень рад, что здесь меня «имеют»!

Я просто очень рад, что здесь меня имеют!

октябрь 2005

Мысли из кухни

Да разве ж это мотивирует,
Когда тобой манипулируют
Чему-то иль кому в угоду,
Взамен обещанной свободы?

Пора сказать не в мемуарах,
О том, что слышим в кулуарах,
О том, как наверху шуруют,
К примеру, как у нас воруют.

Воруют. Это ж всем известно.
«Так то они! А я то – честный!»
И всё – уверенность потухла,
Как рыба, что чуть-чуть протухла.

Нет! Не нужны нам те уступки,
Нам нужно совершать поступки,
Чтоб не бросаться лишь словами,
Когда пренебрегают вами.

Когда один, который круче,
Всех остальных послал до кучи,

А те, хоть очень удивились,
Пошли до кучи и умылись.

Наперекор своей натуре,
Без уважения к культуре,
Хоть трудно разом и согнуться,
И, извиняясь, улыбнуться.

Потом опять на кухне охать,
Про то, что всё на свете плохо,
На стенке, мол, ружье хотя бы...
А может выстрелить пора бы?

2006

Знакомая сказка

Вот чудесная картина,
Мы живём как Буратины!
Все по росту – ровнышко,
По натуре – брёвнышки.
 Не злодеи, не кутилы,
 А Мальвины и Тортиллы.
 Вон сверкают лучики
 Золотого ключика!

Вот бы нам его на пару,
Но слетелись Дуремары

С важными заявками,
Всем раздать пиявками.

Как обычно, не жалея,
Машут плёткой Бармалеи,
И глазами впуклыми
Управляют куклами.

Перед масками Омона,
И Пьеро, и Артемоны,
Подставляем щёки мы
Для второй пощёчины.

За конфетки и монетки
Добрые марионетки
От работы до толчка
Ходят по веревочкам.

По стандартам, по лекалам
Мастерскую папы Карлы
Держат за кулисами
С разными «Алисами».

Что бы, где бы, не писали,
Главное, как обтесали.
Станут чурки звёздами —
Топоры же розданы!

Бердский спецназ

Приехал в Бердск. И как-то сразу —
В ДК! Но это не кино,
Ведь выступать перед спецназом,
Оно не каждому дано.

А что такого? Тоже служба,
Пусть форма, а не пиджаки.
Но та же вера, та же дружба,
И тоже – просто мужики!

Вам хватит силы и отваги,
Любой из вас почти кремень,
Когда наступит день присяги!
Для прочих – незаметный день.

А вы поблажек не просили,
Тоска и скука – не про вас.
Передовой отряд России
Зовётся коротко – спецназ!

Два года – срок, но ведь не слишком,
Чтоб стать мужчиной «На Ура!».
А завтра новые мальчишки
Придут всего на полтора.

И полустанки, перегоны
До самых значимых вершин.
Спецназ – он даже не погоны,
А состояние души!

июнь 2007

Поэма о Белом мысли не про краски

Белый цвет – он всегда, как награда.
Хочешь в том убедиться? Изволь,
Только белой горячки не надо,
И от тапочек белых уволь.

В белый свет, как в копеечку, стрельни
И раскройся, как «Новый Завет»,
Чтоб, забыв навсегда богодельню,
Удивился тебе Белый Свет!

Вчера

Помню время, народ пробудился,
Паспортину упрятав в штанах,
Но ещё лет на 100 заблудился
Белый ангел мой в чёрных тонах.

И в таком чёрно-белом походе,
Прокатившись по всем лагерям,
Нас на белом большом пароходе
Разбросало по белым морям.

Даже то, что звалось Белой Русью,
Выпускало машины «БелАЗ»,
Нынче с русской понятною грустью
Зависть чёрную прячет от глаз.

Мы успели с Союзом проститься,
Не вступили с Европой в альянс,
Ожиданье больших инвестиций
Смыло в белый родной санфаянс.

Депутаты нас брали измором,
Полной серостью – Боже и ах!
Что напрасно чадить «Беломором»
С желтизной на белых зубах?

Вот бы геев в обтянутых брючках,
Вот бы всех, кто подсел на иглу,
Ухватить за их белые ручки
И послать в эту самую мглу...

Сегодня

Не по белому снегу полозья,
Что поделать? Такая зима.
Даже белой акации гроздь
Как и прежде, не сводят с ума.

Это ж белыми нитками шито,
Что кому обещал Белым Дом.
И зачем столько лет пережито,
Чтоб на чёрном стать белым пятном?

Неужели судьба – трепыхаться
Белой бабочкой в рваном сачке,
И с улыбкой опять усмехаться
Этой сказке о белом бычке?

Это раньше я видел не очень,
Веры не было той у меня.
А теперь только белые ночи
Мне сияют средь белого дня.

Я свои рубежи подытожил,
Всеми страхами переболел,
Понял, что не по возрасту всё же
Лет пятнадцать назад побелел.

Я не сдался, я выдержал «стоко»,
Пробиваясь и сердцем, и лбом,
Белый парус мой не одиноко
Гордо реет на всем голубом!

Мне негоже сидеть в обороне,
Отдаляя скончание лет.
И в здоровье, как белой вороне,
Мне не выпишут белый билет!

Пусть не всё получилось покамест,
И ещё состоялось не всё,
Но я верю – и нам белый аист
Завтра новых детей принесёт!

Если белая кость, то берите
И растите таких малышей,
Чтоб не заперли их в лабиринте
Как подопытных белых мышей...

Завтра

Мне усладе нельзя предаваться
От «избытка» успехов и благ,
Мне и впредь не престало сдаваться,
Чтобы белый выкидывать флаг.

Я от этого праздника млею,
Всё сильнее впадая в угар,
Я теперь ещё больше белею,
Несмотря на прилипший загар.

С серебром в бородатом оскале,
Есть такая мечта у меня,
Чтобы в будущий год поскакали
Словно в песне три белых коня!

Все, кто раньше был рыжим, зелёным,
Все, кто раньше успел покраснеть,
Не в угоду другим миллионам,
Поскорее давайте белеть!

Крупной кистью белите умело,
Как художник, в порыве одном,
И бокал вместо крепенькой белой
Наполняйте лишь белым вином!

Разгоняйте все серые тучи

От Москвы и до самых Кариб.
Белый Карлик бы только не вспучил,
Как большой термоядерный гриб.

Чтоб в итоге новейшей программы,
Несмотря на литавры и медь,
Под Большой Медведицей мамой
Вырос Умкой наш белый медведь.

Если ж сердце в истоме устанет
От событий грядущего дня,
Пусть опять зазвучит белый танец,
Чтобы Вы пригласили меня.

Мы бы парой галантно кружились,

Вспоминая счастливый «лямур»,
А на скатерти белой томились
Белый персик и белый амур.

Чтобы книгу о «Белых одеждах»
Нам повторно писать не пришлось,
И угасшую было надежду,
В танце том возродить удалось.

Удалось без забытой отваги,
Без опаски, в азарте лихом,
Всё отметить на белой бумаге
Личной подписью, белым стихом!

Хургада – Томск, 2009 – 2013

А был ли мальчик? Отрывки из поэмы «Сага обо Осаго»

Как всех болванят под одну гребёнку?!
Я с детства был испорченным ребёнком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.